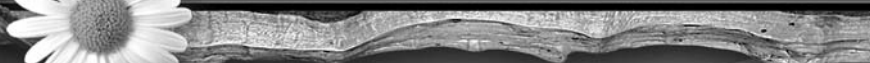

Мэри Демут

ВЫЗОВ
СУДЬБЕ

3

ТЕХАССКАЯ ТРИЛОГИЯ

Дефайанс, Техас, декабрь 1977 г.

Последнее, что я увидела перед тем, как Хэп изо всей силы пнул меня в живот, — носок отполированного до блеска ботинка. Мама всегда говорила, что о мужчине можно судить по состоянию его обуви. Она думала, что забота о туфлях — гарантия такого же отношения к женщинам. «Если встретишь мужчину с чистыми ботинками, Луиза, — приговаривала она, — считай, что тебе повезло».

Что ж, мне повезло: я лежу на грязном, покрытом желтым линолеумом полу, который больше не дрожит от топота детских ног (Джед и Сисси ушли в школу). Я даже не помню, чем на этот раз заслужила побои, какие слова вызвали ярость Хэпа. Я пытаюсь встать, но все кружится перед глазами. Почти так же, как тогда, когда немного перепьешь. Но, конечно, алкоголь дарит куда более приятное и сладкое забвение.

Из желудка поднимается завтрак. Я проглатываю слюну, чтобы он опустился обратно. В последнее время мне то и дело приходится что-нибудь глотать — особенно секреты. Детям тоже достается

немало. Если бы члены церкви свергли Хэпа с пьедестала и посмотрели ему в глаза, они бы увидели то, что мы скрываем. Но всем плевать, даже старейшинам и дьяконам, которые знают куда больше, чем рассказывают. Мы перевариваем секреты, наши желудки раздуваются, но мы не чувствуем ни сытости, ни удовлетворения.

Это не единственная моя тайна. Несколько месяцев назад кто-то убил лучшую подругу моего сына Джеда — Дейзи Чанс. Тринадцатилетняя худощавая, похожая на беспризорницу девочка была его первой любовью, хоть он никогда в этом не признается. Я знаю, кто ее убил, так же хорошо, как знаю улицы Дефайанса. Хэп всегда считал меня туповатой. Но он не знает Уизи Пеппер настоящую. Когда я сжимаю виски, сидя в спальне с занавешенными окнами, конвульсивно содрогаясь от спазма головной боли, я вспоминаю человека из леса.

Вам интересно, правда?

Вы хотите знать, кто способен задушить милую тринадцатилетнюю девочку? Разве не удивительно, что женщина, мимо которой, вежливо кивая, проходят люди, с которой обмениваются последними новостями, хранит самый ужасный секрет этого городка? Я никому не расскажу. Пока не расскажу. Но не волнуйтесь: я абсолютно уверена, что убийца больше никого не тронет.

Я поднимаюсь, цепляясь за кухонную раковину, и принимаюсь мыть миски из-под хлопьев. Я вожу по ним губкой, пока они не заскрипят от чистоты, и смотрю из окна на зимний город. На улице во все не холодно, хотя обычно в такое время дует пронизывающий ветер. Что ж, мы живем в Техасе, а здесь все не как у людей. Пока я хлопочу по хозяйству, ветер набирает силу. Он сгибает деревья и срывает с полуголых ветвей бурые листья. На небе нет ни одного облачка. Птицы смолкли. Бесшумный ураган угрожает смести все на своем пути. Листья, стремительно и неслышно кружась, падают на землю. Я бы не остановила их вращения, даже если бы могла.

Тишину в доме нарушает стук в дверь. Я открываю ее и вижу Эмори Чанс. Она покраснелась. Глаза Эмори пытаются что-то сказать, но я не понимаю.

— Как ты думаешь, можно выйти замуж за умершего человека? — спрашивает она.

— Пойдем на веранду, — предлагаю я.

Эмори проводит тонкими руками по синим джинсам:

— Он собирался на мне жениться. Он сделал предложение. — Эмори показывает простое золотое кольцо на своем пальце. За последнюю неделю

она делала это много раз. Кольцо — символ ее смятения и свидетельство ее скорби.

Я смотрю на Эмори. Она похожа на свою дочь Дейзи, хотя последние месяцы состарили ее: вокруг губ с опущенными уголками появились морщинки. От нее пахнет дымом, но огонь в глазах потух. Наверное, вам кажется странным, что Эмори стала моей близкой подругой. Сама не знаю, как это вышло. Ведь мы скрываем ужасную правду о ее интрижке с моим мужем.

Может, Хэп до сих пор ее любит? И по-прежнему видит красоту за морщинками и едким дымом от сигарет? А может, их связывала не любовь, а обычная, банальная похоть?

— Но я отказала. — Эмори горько вздыхает, как будто выпуская в холодный воздух Дефайанса всю боль, что ей довелось испытать. Каждым вздохом она обязана человеку по имени Хиксон. Он спас ее от самой себя, вынес из горящей церкви. Представляю, как она царапалась и цеплялась за землю, пока он тащил ее прочь от смертоносного огня.

Она хотела умереть.

А он, святой человек, хотел на ней жениться.

— Ты ему отказала. Теперь жалеешь об этом. Вот что я тебе скажу: положиись на Иисуса. Он помогает нам пережить горе. — Слова скребут по языку, словно наждачная бумага.

Эмори обхватывает голову руками, сжимает виски худыми пальцами:

— Он так любил Иисуса! И меня. Это не дает мне покоя. Не понимаю, что движет такими людьми. Религия вообще кажется мне западней.

— Иисус говорил, что истина сделает нас свободными. — Слово *истина* легко соскальзывает с моего языка, словно я воплощение честности. Но моя «истина» — сплошная ложь.

— Свободными... — Эмори произносит это слово так, будто тянется за печеньем на самой высокой полке супермаркета.

— Он дарит свободу, но ее нелегко получить или понять. Свобода и любовь Господа — это загадка.

Эмори часто дышит, стараясь успокоиться. Ее дыхание превращается в пар. Она смотрит на меня:

— А ты веришь, что заслуживаешь такой любви?

— Нет, — отвечаю я. Я не заслуживаю ничего, кроме брани. Уж точно не любви. Я слышала, что во многом отношение людей к Богу определяет то, как относились к ним их отцы. Но мой отец баловал меня. А теперь, думая о Святой Троице, я представляю себе Хэпа.

Эмори внимательно разглядывает мое лицо:

— Он что, опять тебя бил?

Я отрицательно качаю головой. Хотя бы не заплакать. Хэп научился бить меня так, чтобы не

оставлять следов — чтобы старейшины и дьяконы не становились невольными свидетелями наших «домашних неурядиц». Обычно он бьет меня в живот и под ребра, как сегодня утром. Я вспоминаю, как корчилась на полу кухни, судорожно хватая ртом воздух.

— Уизи?

Я качаю головой:

— Прости.

— Я не из тех, на ком женятся. — Эмори обхватывает себя руками. Она тоже дрожит. Поглаживает золотое кольцо. — Я любила его, — шепчет она. Никогда не слышала более тихого и вместе с тем более пронзительного признания в любви. — Но никогда ему об этом не говорила. А теперь его прах развеют, и не сказанные мною слова будут летать над землей.

Безнадежное признание повисает в тишине между нами. Тут на подъезде к дому появляется машина Хэпа. На сердце холодеет, как зимним днем на улице. Эмори бросает на меня испуганный взгляд. Хэп открывает дверцу «шевроле». На лице приклеена фальшивая улыбка.

— Ба, — восклицает он, — кого я вижу!

— Я найду позже. — Эмори, словно привидение, спускается с лестницы, легко скользя по ступенькам.

Хэп подходит к ней и показывает указательным пальцем левой руки на золотое кольцо:

— Что это?

— Хиксон сделал ей предложение, — объясняю я громким голосом и кашляю. Хоть бы Хэп не заметил моей нервозности.

Хэп застывает на месте. Он перестает широко улыбаться и поджимает губы. Потом вздыхает:

— Кто бы мог подумать! Чтобы здесь, в Дефайансе, смешались кофе и сливки? Вряд ли это входило в замысел Всевышнего.

Эмори останавливается и оглядывается на Хэпа. Она смотрит ему прямо в глаза:

— А я всегда думала, что сливки делают вкус кофе нежнее. От них он становится только лучше, разве нет? Или тебе нравится черный кофе?

Хэп, засовывая руки в карманы, снова слегка улыбается:

— Ты же знаешь, наши соседи не одобряют смешение рас.

— Разве меня когда-нибудь волновало, что думают люди, Хэп Пеппер? — Так огрызаться может только женщина, не связанная с ним узами брака. А вдруг его очаровала именно ее дерзость? Господи, надеюсь, что это не так!

— Есть определенные нормы, социальные стандарты, благодаря которым жизнь в городке течет

спокойно. Я хочу сказать, вы с Хиксоном чуть не совершили чудовищную ошибку.

Эмори рассмеялась:

— Как трогательно, что тебя это волнует.

— Что ты имеешь в виду? — Мускулы напрягаются под отглаженной белой рубашкой. Я набираю в грудь воздуха. Надо что-нибудь сказать, чтобы отвлечь Хэпа. Но запал подожжен. Я слышу, как трещат искры. Шипение заглушает мой голос.

— Пожалуй, я пойду. — Эмори поворачивается. Очевидно, она не понимает, что натворила.

Хэп хватается ее за руку.

Она выдергивает ее:

— Ты высказался предельно ясно. — Она быстро удаляется. Я не успеваю попросить ее остаться.

Мы стоим на холодной веранде. Ярость бушует между нами, словно костер, который окропили бензином. Скоро Сисси придет домой. Хэпу не хватит нескольких минут, чтобы выместить на мне свою злость. Он смотрит на меня. Я стараюсь запомнить этот взгляд, чтобы извлечь его из памяти в один из тех дней, когда меня мучает головная боль. На секунду я увидела в нем человека, за которого вышла замуж, и то, почему я осталась, а не убежала от него за тысячу миль.

— Я хочу есть. — Он сглатывает слюну.

— Приготовлю что-нибудь перекусить. — Я открываю дверь в теплый дом и благодарю Бога за то, что Хэп голоден, а Сисси скоро придет домой. Сегодня Бог ко мне милосерден. А большего я и не заслуживаю.

На кухне я наблюдаю за дергающимся кадыком Хэпа, разглядываю его широкие плечи, бордовый узорчатый галстук, ремень на поясе, всегда застегнутый на третьей дырочке, и брючины поверх начищенных до блеска ботинок.

Его привлекли ее сандалии.

Ремешки из грубой кожи были неаккуратно пришиты к резиновой подошве.

Он смотрел из-за кустов на ее загорелые ноги, на то, как она поджимает большие пальцы, чтобы сандалии, которые были ей велики, не соскользнули с нее. Вдруг что-то случилось: то ли веточка хрустнула, то ли щелкнула чека гранаты. Он бросился вперед и крепко схватил девочку за лодыжку.

Она закричала.

Он заглушил ее вопли, зажав рот и нос ладонью. Ее грудь вздымалась и опускалась в унисон со щебетом птиц, которые кружили над ними,

будто понимали, что происходит. Она боролась и выкручивалась, пока глаза не стали пустыми и не вернулись в орбиты. Когда смерть лишила ее сил, он положил ее на зеленую траву и снял трофей — сандалии.

Он оставил ее там. Пусть смотрит в небо, на птиц, на большой мир. А сам пошел прочь, держа в руках сандалии на резиновой подошве.

Я стою на берегу озера Фасга, следя за тем, чтобы вода не лизнула мои туфли. Она отталкивает и подзывает меня — прямо как Хэп. Подумав об этом, я вздрагиваю.

Когда Джед чуть не утонул вскоре после исчезновения Дейзи, я кричала от ужаса, но не бросилась его спасать. Не смогла. Что я за мать такая, раз побоялась рискнуть жизнью ради ребенка! Мюриэл, с которой мы в то время были едва знакомы, стянула со своей головы красный парик и нырнула в мрачные глубины озера. Она скользила в толще воды, словно хищная змея. Тело Мюриэл разьедал рак, но она спасла Джеда. Она вытащила его из воды, хотя он отчаянно барахтался и только мешал ей. Она справилась. Мюриэл крепко обхватила его сильной рукой и доставила мне — жалкой испуганной мамаше.

Волны с тихим плеском подползают ближе. Я пачусь от них. Собака Клементина сидит рядом и терпеливо ждет. Мускулы подрагивают под шерстью. Собака тяжело дышит, ее грудь ритмично касается моей лодыжки. Она хочет в воду. Я глажу ее по голове.

— Беги, — разрешаю я. Она сразу бросается в озеро, поднимая тысячи брызг. Я стою на берегу в серый декабрьский день, когда трудно решить, то ли надеть пальто, то ли снять его с плеч. Метеорологи предсказывали холод и дождь, но сырое утро, кажется, готовится явить миру ласковое теплое солнце.

Я люблю озеро Фасга за то, что мне не приходится делить его с кем-то еще. Люди редко приходят сюда в это время дня и года. Здесь, в моей тихой гавани, я могу спокойно поразмышлять, после того как Джед и Сисси с громким топотом убегут в школу. Тут стоит расшатанное адирондакское кресло* с белыми пятнышками на серых деревянных планках. Я считаю его своим. Дефайанс причудливо погружается в зимний сон: перед смертью трава недолго зеленеет, а затем становится желтоватой, как мед, и серо-коричневой, с оттенком жженой охры. Мне бы хотелось нарисовать траву такой, какой я ее вижу, но мои размашистые мазки не передают всех нюансов. Я сажусь в кресло. Достая альбом, касаюсь карандашом шероховатой

* Адирондакское кресло — глубокое кресло с широкими подлокотниками, предназначенное для использования на улице, во дворе. Изначально такие кресла изготавливали в районе Адирондакских гор, отсюда и название. — *Примеч. ред.*

бумаги и провожу прямую линию — горизонт озера Фасга.

Пока я рисую, до меня доносится певучий голос. В детстве я часто слышала чистый мощный голос Бога, который звал меня навстречу приключениям, приглашал на прогулку в лес или в поле, чтобы поиграть с бабочками. Много лет назад этот голос убеждал меня принять крещение, после того как я произнесла покаянную молитву. Однако я не прислушалась к нему, не отважившись погрузиться в мрачную бездну, ведь она могла бы поглотить меня навсегда.

Возможно, поэтому голос и разрушил мою жизнь. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что он предостерегал меня, но затем изменился, превратившись в баритон Хэпа, который твердил, что Бог велел ему на мне жениться. Теперь вы понимаете? Я согласилась. Что мне еще оставалось?

Тогда Хэп был спокойным, как озеро Фасга, безмятежным, как водная гладь перед ураганом. Я стояла рядом со своей машиной. Дым из двигателя поднимался к небу. Хэп налетел на меня, словно ястреб, пронзив глазами цвета штормового неба, поправил что-то под капотом.

— Меня зовут Хэпланд. — Он вытер мозолистую руку о рабочие джинсы и протянул мне.

— Луиза. — Я покраснела, увидев в его глазах восхищение.

— Луиза... — Он произнес мое имя, словно смакуя его, словно хотел, чтобы оно медленно растаяло на языке.

— Что с моей машиной? Все в порядке?

— Боюсь, придется отправить ее в мастерскую. Предлагаю поехать вместе. Я поговорю с ребятами, чтобы они вам помогли. — Он плавно указал на свой «шевроле». Белая футболка, потертые джинсы, этот автомобиль... Мне казалось, я столкнулась с Джеймсом Дином*, только добродетельным. Можете себе представить, с какой скоростью я запрыгнула в его машину. В эту минуту из динамиков неслась моя любимая песня Роя Орбисона** — «Только одинокие». Я сочла это знаком. Любуясь руками Хэпа, пока он вез меня по городу, я чувствовала себя королевой, которая едет с мятежным королем Дефайанса в карете, запряженной парой сотен лошадей.

* Джеймс Байрон Дин (1931–1955) — американский актер, кумир молодежи 50-х гг.; погиб в автокатастрофе. — *Примеч. ред.*

** Рой Келтон Орбисон (1936–1988) — американский музыкант, пионер рок-н-ролла; получил известность благодаря своему великолепному сильному голосу, сложным музыкальным композициям и мрачным эмоциональным балладам. — *Примеч. ред.*

Мое царствование закончилось — не в результате государственного переворота, как вы, возможно, предположили. Нет. Все произошло постепенно. Жизнь вытекала из меня тонкой струйкой, сочилась к ногам Хэпа, пока я не высохла, как брошенная цистерна на техасских полях. Я не перестаю думать о терзающей меня жажде. Может, из-за нее Хэп теряет терпение и впадает в ярость?

Карандаш висит над бумагой. Я наблюдаю за Клементиной, которая колотит лапами по воде, машет мокрым хвостом и улыбается. Чтобы не забрызгать меня, она отряхивается у самой кромки озера Фасга — пугающего и манящего места, куда зовет меня голос.

Почему я его слушаю? Потому что он привел меня к убийце Дейзи, вот почему. Если какой-то голос сообщает вам такие вещи, ему надо доверять. По правде говоря, он не зря выбрал Хэпа. Похоже, мои подозрения не были беспочвенны. Я чуть не утопила Хэпа в своих жалобах. Сколько же можно его терзать? Бог не напрасно указал мне на него.

Я подхожу к краю воды. Меня охватывает дрожь. А может, метеорологи не ошиблись? Вдруг погода переменится, небо потемнеет и на землю обрушится беспощадный дождь?

Я ежусь от порыва ледяного ветра и обхватываю себя руками. Поднимаю глаза на тучи над головой и вспоминаю о Сисси.

— Мама, — спросила она сегодня утром, — а если распылить в небе красный пищевой краситель, пойдет розовый дождь?

Истинная дочь художницы, подумала я и ответила:

— Конечно, милая.

Хочется верить, что такое возможно. На секунду, пока ветер замирает, а вода пенится у ног, я представляю, как взмываю в небо с лейкой, наполненной ярко-красной краской, и, будто фея, опрыскиваю мрачные тучи. Представьте, как бы они разъярились, если бы их выкрасили в розовый цвет!

На нос падает капля дождя. Клементина сидит рядом, но не касается меня. Она знает, что я не в восторге от запаха мокрой шерсти. Я глажу ее по голове. Она дрожит.

— Скоро пойдем.

Она кивает. Покладистая собачка.

Озеро покрывается рябью от редких капель. Справа от себя я замечаю бурые листья водяных лилий. Они проплывают мимо, сцепившись под водой. Мне кажется, из моих глаз вот-вот хлынет дождь. Я догадываюсь, что приготовила мне зима. Весна давно прошла. Лето миновало. Осень при-

несла смерть Дейзи. Зима забрала жизнь Хиксона. И вот теперь настала пора долгих, ужасных холодов — во всем городе и в моей жизни. Я до смерти устала от смерти. Я чуть не вскрикиваю, увидев эти увядшие листья. Стоя под дождем, я смотрю на дрожащую воду и пытаюсь запомнить их танец, чтобы потом нарисовать. Нарисовать — пожалуйста. Но лезть в воду — нет уж, увольте.

Я вздрагиваю: в водяных лилиях что-то пошевелилось. Среди сцепившихся стеблей прячутся утки, маскируясь под темно-коричневые листья. Как же я раньше их не заметила?

«Смотри!» — приказывает голос.

Я смотрю.

Клементина лает. Услышав ее, утки взмывают в небо. Еще секунду назад они были неподвижны, будто мертвые, а теперь живописно встают на крыло.

«Вот видишь? После смерти наступает воскресение», — утверждает голос.

Я жажду в это верить. Правда!

Но что-то подсказывает мне, что сначала я должна утонуть. Возможно, даже сегодня.